

— На воспитание? — поразились все.

Фань Сянь спокойно ответил:

— Просто это было довольно давно. После того как Сяо Эня схватили, Северная Вэй пала, а Поднебесная погрузилась в хаос. Как раз тогда и появился Шаншань Ху.

У Контрольной палаты были ещё какие-то доказательства, иначе бы они не пришли к такому выводу, но среди задач Фань Сяня в этой поездке на север была ещё одна — уточнить, у кого учился Шаншань Ху.

— Неудивительно, что Шаншань Ху стремится спасти Сяо Эня.

— Это большая проблема для двора Северной Ци. — Фань Сянь сказал лишь это и сразу замолчал, слегка нахмурившись. Хайтан хотела убить Сяо Эня, император хотел заключить Сяо Эня в тюрьму и выпытать местоположение Священного храма, Шаншань Ху же просто желал старику счастливой старости, и три самые могущественные партии в Северной Ци из-за одного Сяо Эня совершенно разошлись в направлениях. Будет интересно на это посмотреть.

Конечно, Фань Сяню тоже хотелось узнать тайну Священного храма, так что он не мог оставаться просто зрителем.

Время было уже позднее, все устали в дороге, поэтому стали устраиваться на отдых. Что касалось планов на завтра, то, естественно, специальные чиновники уже разработали регламент, и Линь Вэню оставалось лишь, выбрав несколько важных вопросов, доложить о них Фань Сяню. Самое главное завтра — посетить дворец и встретиться с императором, а затем провести переговоры об обмене пленными в Приказе придворного этикета.

Немного подумав, Фань Сянь сказал:

— До обеда — во дворец, после обеда — в Приказ придворного этикета. — Он повернулся к Линь Цзину и продолжил: — Придётся вам заняться этим, господин заместитель.

— А вы, господин? — Линь Цзин подозрительно посмотрел на главного посланника Фаня, думая, как же так: обсуждать важные условия обмена пленными и выплаты дани без его присутствия?

Фань Сянь чуть опустил взгляд и тихо ответил:

— У меня есть дела поважнее.

В соглашении об обмене пленными было два листа — общеизвестный и тайный, и Фань Сянь

считал тайный важнее. Он уже отдал Сяо Эня и Сы Лили, поэтому, естественно, хотел немедленно уточнить местонахождение Янь Бинъюня.

Фань Сянь сидел в повозке, направлявшейся к императорскому дворцу Северной Ци, и непрерывно зевал. Он не был избалован настолько, что не мог спать в новой постели, но прошлой ночью он действительно плохо спал. Глядя на сопровождающих его Гао Да и Ван Циняня, которые тоже выглядели уставшими, было несложно догадаться, что вся дипломатическая миссия этой ночью не могла уснуть.

Так вот, прошлым вечером, когда они как раз собирались спокойно уснуть, Вэй Хуа, помощник премьер-министра в Приказе придворного этикета, явился снова, и хотя он не вошёл во внутренние помещения, но несколько красивых певичек вбежали в комнаты чиновников Цин, словно порыв ароматного ветра, напугав всех до крика.

Откуда было Фань Сяню знать, что в Северной Ци, оказывается, такие правила отхода ко сну? Он был ошеломлён. Хотя видеть красивую девушку с большими влажными глазами, стоящую на коленях у кровати, было очень соблазнительно, но, только приехав в столицу, учинять такое безрассудство Фань Сянь всё же не мог, поэтому попросил её выйти.

Из-за этой суматохи, естественно, мало кто хорошо спал. Зато в комнату Линь Цина вошла певичка — и больше из неё не выходила.

Во время завтрака Фань Сянь смотрел на Линь Цина неодобрительно. Тот немного удивился и с улыбкой объяснил, что, если бы послы Северной Ци приехали в столицу Цин, Приказ придворного этикета принял бы такие же меры.

Фань Сянь потёр уголки глаз и заметил, что там много засохшей слизи. Затем он взглянул на полного сил Вэй Хуа перед ними и, не сдержавшись, мысленно выругался, догадавшись, что тот наверняка нарочно устраивает им неприятности.

Эта дипломатическая миссия на самом деле сильно походила на командировки в прошлой жизни, как думалось Фань Сяню. Повозка двигалась очень ровно, и он, нетерпеливо раскрыв окно, разглядывал уличные пейзажи. С трудом добравшись до столицы Северной Ци, торопиться во дворец, даже не осмотрев город, было как-то очень неприятно.

Выйдя из повозки и войдя во дворец, Фань Сянь выдавил из себя улыбку, потёр руки, шагнул в ворота в толстой стене и вдруг увидел яркий свет, освещающий множество крыш и тысячи дворцов. Большинство зданий во дворце были чёрными, чрезвычайно величественными, хранящими следы и обновлений, и старины.

Фань Сянь остановился в изумлении, смотря на дворец, как будто он только что прибыл к стенам столицы и немного растерялся. Императорский дворец Северной Ци действительно

сильно отличался от императорского дворца в государстве Цин. Он выигрывал не размерами, а наслоениями этажей, что выглядело очаровательно и мирно. Казалось, каждая иссиня-чёрная балка может поведать историю о случившемся в этом дворце, а каждый длинный крытый переход — рассказать гостям о том, сколько великих деятелей древности прошли по нему.

Их отряд замолчал. Семеро Тигровых стражей, носивших мечи, естественно, не могли проследовать во дворец, поэтому они остались снаружи. Рядом с Фань Сянем, помимо Линь Вэня, Линь Цзина и Ван Циняня, остались лишь некоторые чиновники из Министерства церемоний, без которых было не обойтись.

Неизвестно, как долго они шли, двигаясь по коридорам, переходя текущие ручьи и постепенно поднимаясь, но наконец они добрались до главного зала императорского дворца Северной Ци.

Перед залом стояли суровые стражники из внутренней охраны дворца с решительными лицами, и с первого взгляда можно было понять, что это были мастера как минимум седьмого уровня.

Перед тяжёлой деревянной дверью в полупоклоне ждал главный дворцовый евнух.

Бесшумно ступая, все вошли в переднюю часть зала. Главный евнух, открыв глаза, лениво взглянул на этих южных варваров, потряс метёлкой и прокричал хриплым голосом:

— Прибыли послы Южной Цин!

Голос евнуха был не очень звучным, но в ответ на него деревянные створки дверей медленно распахнулись, открывая гостям истинный облик средоточия власти на севере континента.

Главный зал императорского дворца Великой Ци был огромен, внутреннее пространство — чрезвычайно обширно, а весь потолок между карнизами был сделан из баснословно дорогого стекла, поэтому солнечный свет беспрепятственно проникал в зал, рассеивая сумрак, который часто бывает во дворцах, делая зал светлым и прохладным.

По двум сторонам зала стояли колонны из неизвестного материала в качестве опор. Верх колонн был покрыт чёрным лаком и украшен золотыми узорами, и на каждой колонне был весьма изящно изображён извивающийся дракон, взлетающий в облака.

За колоннами висели слои шёлковой кисеи, через которые смутно виднелись человеческие фигуры — не понять, то ли придворные дамы, то ли евнухи.

При входе во дворец первым, что бросилось Фань Сяню в глаза и глубоко запомнилось, была ведущая от дверей длинная прямая дорожка с двумя бассейнами чистой воды по бокам от неё.

Возглавляемые евнухом послы медленно двигались вперёд по этой дорожке. Чиновники государства Цин, впервые попавшие в этот дворец, как и Фань Сянь, не могли не изумиться — дорожка под их ногами была на самом деле сделана из лазурита! Поверх неё лежал пышный ковёр, и ступать по нему было чрезвычайно мягко.

А водоёмы по обеим сторонам дорожки стали ещё большей неожиданностью для всех. В таком огромном дворце ещё и обустроили два бассейна! Вода была очень чистой и прозрачной, и в ней привольно плавали золотые рыбки. При достаточной остроте зрения, как у Фань Сяня, можно было разглядеть, что в самой глубокой части бассейна, притаившись на белом песке, изящно и с достоинством покачивают хвостами две большие рыбины: чёрная и белая.

Заместитель посланника Линь Цзин посмотрел на открывшийся перед ним вид и мысленно вздохнул: «Такого роскошного дворца достаточно, чтобы показать, какими богатствами обладает Северная Ци, унаследовавшая всё достояние от крупнейшей страны прошлого, Северной Вэй. Жаль только, что именно роскошь императорской семьи вызвала упадок и ослабление Северной Ци, так что они год за годом терпели поражение от нашей страны».

В конце дорожки выстроились рядами придворные Северной Ци в ожидании аудиенции. Позади них нежно журчала вода, в зале словно сам собой дул лёгкий ветерок, пол был выложен досками из сандалового дерева — очень торжественная атмосфера.

Высоко перед ними стоял драконий трон, и император Северной Ци с огромным интересом смотрел на медленно приближающихся посланников чужой страны.

Послы преклонили колени, приветствуя императора вражеской страны как подданные и желая ему здравствовать.

— Встаньте, — легко улыбнулся император Северной Ци, как будто возможность заставить подданных Южной Цин падать ниц перед ним была очень приятной.

Фань Сянь тихонько вздохнул и, встав, обнаружил, что ему в лицо устремлён чей-то взгляд. Он немного удивился, но, оглядевшись, понял, что молодой император на драконьем троне смотрит на него несколько странно.

Молодой император Северной Ци не пробыл на троне ещё и двух лет, в этом году ему исполнилось всего семнадцать — он был одного возраста с Фань Сянем. Науки он изучал у второго сына Чжуан Моханя, боевые искусства — у старшего ученика императорского наставника Ку Хэ, в результате сейчас его учёность была невысока, да и воинские способности оставляли желать лучшего. Он не увлекался женщинами, в чём немного походил на императора государства Цин, любил поиграть, к вдовствующей императрице относился почтительно, но с опасением и соперничеством, а чиновников больше награждал, чем наказывал.

Хм, молодой император, кажется, всё ещё верил в такие вещи, как любовь.

Это были первые мысли, которые пришли на ум Фань Сяню при виде нежного личика Сына Неба. Но он тут же понял, что нарушает правила этикета: когда правитель страны смотрит на тебя как на подданного, совершенно незачем смотреть на него в ответ.

Поэтому Фань Сянь поспешно слегка опустил голову и молча отступил в сторону, в душе всё ещё озадаченный тем странным взглядом, который он увидел раньше.

Рядом с ним зазвучал мощный и убедительный голос Линь Цзина, который, как заместитель посланника, с неохотой взял на себя все запутанные церемонии и служебные обязанности облевившегося до крайности главного посланника Фаня. Сейчас Линь Цзин читал верительную грамоту, составленную лично императором Цин.

Фан Сянь слушал со стороны, не вникая; он понимал, что всё это: «вечная дружба между двумя странами», «братья навек» — лишь громкие слова и такая ложь не сможет одурачить даже Дун-эр, продавщицу тофу из Даньчжоу, но их всё равно было нужно зачитать со всей серьёзностью.

И действительно, молодой император государства Ци безостановочно кивал, выражая своё одобрение коллеге с юга.

Фань Сянь мысленно насмехался, но на лице его была сдержанная и почтительная улыбка, словно он упивался дружественной атмосферой между двумя странами. Сразу же после этого вперёд снова вышел чиновник Министерства церемоний Северной Ци с полагающимися многословными и цветистыми речами, и можно было считать, что первый результат достигнут.

Но Фань Сянь всё ещё чувствовал себя очень неловко, потому что теперь он обнаружил, что, помимо молодого императора, на него обратили взгляды многие присутствующие. Каким бы стойким ни был его дух, Фань Сянь начал невольно недоумевать.

На самом деле недоумевали чиновники Северной Ци. Все знали, что в этой дипломатической миссии с юга главным посланником был Фань Сянь, гений поэзии, поэтому их очень интересовало, что за человек этот юный талант, который заставил знаменитого в их стране Чжуан Моханя посрамлённым вернуться домой. Сейчас же во дворце этот Фань Сянь так и не раскрыл рта, и даже такое важное дело, как чтение верительной грамоты, было полностью поручено заместителю.

И государь, и министры не могли ещё больше не заинтересоваться этой красивой молодой знаменитостью.